

Игорь Сутягин: "Я работал на Россию"

Российский учёный Игорь Сутягин, вывезенный в начале июля в Великобританию в ходе операции по обмену российских шпионов, разоблачённых в США, на нескольких российских граждан, дал эксклюзивное интервью корреспонденту Радио Свобода в Лондоне.

- После того, как вы оказались в компании шпионов при этом обмене, кое у кого возникло естественное сомнение в вашей невиновности. Был ли Игорь Сутягин шпионом?
- Конечно, не был. Никогда не был шпионом. И в первую очередь, наверное, потому, что я работал для своей страны, старался и думал о своей стране. Хотя, естественно, когда меня начинают обвинять в том, что я при этом зарабатывал деньги... Ну упрекните меня, что я зарабатывал. За так в общем-то тяжело. Пусть меня упрекнет тот, кто сам от последней копейки отказывается. А шпионом я, естественно, никогда не был. И даже на суде прокурор обвинял меня в том, что я отстаиваю интересы России перед иностранцами, не имея на то право. То есть он признавал, что я именно российские интересы отстаивал перед иностранцами. Что же это за шпион, который работает на свою страну, а не на другую? Это, по-моему, называется как-то по-другому.
- А в чем это выражалось?
- Дело в том, что вся эта компания, с которой я работал, выдавала рекомендации по инвестированию денег в Россию. Я пытался создать позитивный образ своей страны, пытаясь доказать, что деньги вкладывать можно, нужно. Я не отвечал за те деньги, которые будут вкладываться – но изо всех сил старался убедить англичан в том, что помех для вложения средств нет. Тут пусть меня англичане как-нибудь обвиняют, потому что они оказались в итоге умнее. Они интересовались тем, что они называли политическими рисками – пользуясь таким эвфемизмом для того, что позже стало делом Ходорковского и всего прочего. Их очень волновали ситуации возможной потери инвестиций. И я как раз пытался доказывать, что бояться нечего.
- А вы искажали при этом картину?
- Я не то, что искажал картину, я просто подбирал факты, которые являлись иллюстрацией того, что процессы, которые идут, не мешают сотрудничеству с Россией. И это, кстати, очень важная деталь. Дело в том, что постоянно идет разговор о передаче какой-то информации. А передачи информации не было. Сведения, о которых мы говорим, не были самоцелью – они лишь являлись иллюстрацией тех процессов, которые идут в России. Задачей фирмы было выявить тенденции развития нашей страны, риски – и подкрепить выводы об этих рисках какими-то фактическими материалами. Так вот эта самая информация, за которую меня постоянно обвиняют, и являлась своего рода иллюстрацией; это не было самоцелью работы.
- У вас сложилось впечатление, что кто-то вас хотел изолировать, посадить?
- Я бы не сказал, что кто-то хотел меня изолировать. У меня на определенном этапе было отчетливое представление, что меня просто хотят посадить. Точнее, посадить меня уже посадили – меня просто очень сильно хотят не выпустить из-за решетки. Во многом это происходило, я думаю, из-за того, что многим людям, которые занялись этим делом, стало вполне очевидно, с чем они имеют дело, спустя примерно полгода первого следствия. При предъявлении первого обвинения я достаточно откровенно спросил следователя (его начальник в тот момент отсутствовал): "Ты понимаешь, что все, в чем ты меня обвиняешь – это полная ерунда?". Он не думал ни секунды и сразу сказал мне: "Конечно, понимаю. Но я понимаю также, сколько ты сидишь. И если сегодня я выпущу тебя, то завтра на твое место должен сесть кто-то из нас, а мы сидеть не хотим. Поэтому сидеть будешь ты, а не мы". Мне кажется, что, по крайней мере, у калужских чекистов, которые работали по моему делу, это представление было абсолютно прозрачным: они очень хорошо знали, о чем идет речь.
- В каких условиях вас содержали?
- Если говорить о самой последней колонии неподалеку от Холмогор – это были достаточно комфортабельные условия. Дело в том, что администрация практически всех колоний, где я был – а было их четыре – всегда

испытывала некоторое напряжение в связи с моим присутствием в колонии: было не совсем понятно, что со мной делать, как со мной себя вести, как поступать. Было понятно, что в принципе при своем уровне образования я способен – по крайней мере, теоретически – писать достаточно грамотные документы, грамотные жалобы, чего очень не любят тюремщики. Поэтому меня старались по возможности как-то изолировать. В последней колонии это было сделано очень хорошо, очень грамотно. Меня распределили в отряд, в котором было не 110-130 человек, как обычно, а всего только 11. Находился он на закрытой территории, изолированной от основной части колонии. Я был распределен на работу, которая так же изолировала меня от всего на свете. И в общем это был достаточный комфорт: 130 человек в общежитии – или 11 человек в одной комнате?

– А вы что, рукавицы шили? Или что-нибудь более продвинутое?

– В первой своей колонии я ничего не шил, потому что там я сидел в штрафном изоляторе. Затем прокурор Удмуртской республики по надзору быстро установил, что по закону в той колонии я вообще в принципе находиться не могу. И меня перевели в следующую – в город Сарапул, в Иоанно-Предтеченский Старцевогородский монастырь, который монастырем был всего год, а после этого с 1918 года так и оставался тюрьмой. Там меня распределили на работу – тоже достаточно грамотно изолировав меня от всех – в клуб. Я работал в клубе, мы издавали газету, писали книги – в общем очень активно работали на воспитательный отдел колонии.

В Архангельске, куда меня перевели из Сарапула после 54 недель, я работал на участке кабельных барабанов. Катушки такие большие, провода на них наматывают, – это и называется кабельные барабаны. Исключительно на подсобных работах, бревна таскал. На сколько-нибудь квалифицированную работу меня ставить было запрещено в тот момент. Начальник оперативной части колонии как-то мне сказал: "это, говорит, тебе расплата". Люди особого фанатизма не проявляли, особой тяги ухудшать мои жизненные условия тоже особо не проявляли. Но опять-таки очень откровенно начальник оперативной части тоже говорил мне: "Ты понимаешь, мне каждый месяц звонят из управления ФСБ и спрашивают, как живет Сутягин. И я просто не могу сказать им, что ты живешь хорошо. Поэтому жить ты будешь плохо". Но это было относительно плохо. Я работал, зато мне платили хорошо. На той работе, которую я делал, мне, видимо, как-то искупая общую несправедливость, платили в два раза больше, чем тем, кто работал на станках или где-то еще, а я просто бревна грузил. Правда, при весе 68 килограмм это было тяжеловато, но ничего, справлялся как-то.

– Вы, конечно, знаете, что ваше прошение о помиловании было воспринято многими как признание вашей вины...

– Не совсем верно. Прошение о помиловании власти просили писать меня с начала 2005 года. Тогда в колонию в городе Сарапуле приехали люди из прокуратуры: чекисты со мной впрямую никогда не общались. Приехали и довольно откровенно сказали: "понимаешь (тут палец в небо), там есть люди, которым очень надо, чтобы Сутягин в тюрьме не сидел. И сделать это можно только одним-единственным способом. Признаться в том, что они допустили ошибку, они не могут: они не сделают этого никогда. Но нужно, чтобы ты там не сидел, потому что дальше идут одни потери – для них же. И в принципе они хотели бы тебя выпустить без потери лица. И этим шагом является твое прошение. Тебя помилуют, ты уйдешь. Все минусы, которые имеют они, на этом закончатся, но ты должен им помочь". Вот такое прошение меня просили написать в 2005 году в Сарапуле, в 2006 и начале 2007 в Архангельске. И наконец, в 2010 году меня вновь просили это сделать – это было очень нужно тем людям, которые меня просили. Когда я отказался это делать именно потому, что от меня требуют, чтобы я написал слова о своей вине, – вы бы видели, как они одновременно растерялись и занервничали. То есть в этот раз было очень нужно, и не только мне.

– А кто это – они?

– Они – это два российских, не представившихся до конца, но как я понял, генерала, и трое американцев, которые разговаривали со мной в Лефортово.

– Они были в форме?

– Конечно, не в форме. Чекистские генералы вообще, по-моему, очень редко в форме ходят. Я, по крайней мере, крайне удивлялся, когда видел в форме кого-нибудь из работавших со мной чекистов.

– Как вы полагаете, почему вы оказались именно в Англии?

– Вот этого я не знаю, я не могу абсолютно точно сказать. Даже, честно говоря, не хочу строить предположения. Могу сказать, что я рад, что оказался в Англии, а не где-нибудь еще дальше от родины. Все-

таки здесь ближе, гораздо ближе; и для меня это очень хорошо.

– Когда вы прилетели в Англию, кто вас здесь встречал?

– Вертолет. Никто меня здесь не встречал. Дело в том, что самолет, который летел из Вены, приземлился на британской авиабазе, как мне потом сказали, Брайз Нортон. В общем-то это было довольно понятно: как бы я, интересно, выгрузился в лондонском аэропорту Хитроу, не имея в паспорте британской визы? Что бы я объяснял? Поэтому такое появление в менее требовательном с точки зрения паспортного контроля месте, видимо, было оправдано в каком-то смысле. Мы просто погрузились на маленький вертолетик; сумки, вещи наши положили на машину, чтобы подольше можно было ехать, – и прилетели. Насколько я знаю, встречал нас корреспондент какой-то британской телекомпании, который прятался с телекамерами где-то за пределами этой базы. Как мне рассказали, он отснял репортаж об этом самолете – приземлившемся и потом улетевшем. Два солдата британских BBC вручную подтаскивали трап к самолету "Боинг-767", в котором мы прилетели из Вены. Трап был большой. Я смотрел на них в окошко, в иллюминатор: они пыхтели, получалось не очень здорово – он большой, неудобный. Больше никого не было, встречающих не было.

– В России считается, что вы работали на MI-6, или, скажем, на американские спецслужбы. В Англии, когда вы приехали, вас опекает кто-либо из спецслужб? Как-то они с вами связываются, общаются?

– Да нет, в общем-то не опекают. Появлялся один человек, два или три раза появился, налету, на короткое время, поговорили. Его в первую очередь интересовало, что говорили об условиях обмена наши представители в Москве. В принципе он мог бы тем же самым поинтересоваться у американцев, потому что они при этом присутствовали.

Мне объяснили еще в Москве что соглашение об обмене наших на наших же окончательно заключали президенты, но готовили внешние разведки – то есть Служба внешней разведки России и ЦРУ, по всей видимости, в Соединенных Штатах. Видимо, логично предположить, что мой собеседник представлял британские структуры такого же рода. А так со мной пообщался психолог, установил, что я в психологической помощи особенно не нуждаюсь. Осмотрел меня врач – тоже сказал, что на удивление хорошее состояние, лучше, чем можно было бы ожидать. Я в основном был предоставлен сам себе, чему был очень рад, потому что имел возможность немножко прийти в себя. Слушал радиостанцию "Классик FM", классическую музыку – постоянно. Ходил, гулял по окрестностям. Несколько раз просился – сказал, что очень в лес хочется; съездили в лес какой-то. Поблизости, я так понимаю, не так просто лес найти, на машине ехали куда-то. Походили по лесу, очень хорошо. Потом я связывался с друзьями – и просто из-за того, что у них возникли какие-то срочные неотложные дела, мне пришлось там задержаться еще на неделю. Я помню, что это был понедельник, я мог бы уехать, встретиться с друзьями, перебраться к ним; а так уехал в пятницу.

– Какой у вас паспорт?

– Российский. У меня два паспорта, как и должно быть в принципе: один российский внутренний, мне его выдали в Холмогорах, а второй – российский же заграничный паспорт. Обыкновенный, красного цвета.

– Который вы получили перед отъездом?

– Мне его отдали уже англичане, потому что в него необходимо было поставить визу. Мне поставили туда визу на шесть месяцев. Штампик все-таки там стоит, я посмотрел: домодедовская таможня, паспортный контроль – они все-таки шлепнули мне штампик, что я выехал из России. Это, кстати, хорошо, чтобы меньше вопросов было, как я в Россию въезжать буду, из нее не выезжая.

– А штампик о том, что вы прибыли в Британию, есть?

– Виза стоит, да.

– Я имею в виду не визу. Когда вы сюда въезжаете, вам тоже ставят штампик.

– Честно говоря, я не очень внимательно рассматривал свою визу. Но насколько я понимаю, штампик надо ставить на визу, а визы в тот момент, когда я приехал, еще не было. Поэтому, скорее всего, там штампика такого как раз нет. А виза – не туристическая, рабочая.

– В Англии, когда вы первое время молчали, ни с кем не выходили на связь – я имею в виду журналистов, – прошел такой слух, что это естественно, что вы просто проходите дебriefинг...

– Я уже боюсь отвечать на эти вопросы. Люди, особенно у нас в стране, реагируют на них как-то... Чувство юмора в России, похоже, у значительной части журналистов напрочь исчезло. Поэтому я отвечу издалека и осторожно. Есть журналистка Зоя Светова – которая на протяжении всего того времени, которое я сидел, постоянно следила за моей судьбой, за судьбой моей семьи, постоянно связывалась с ними, публиковала огромное количество материалов об этом деле. Были, конечно, другие журналисты, но она много лет была рядом. Она приезжала в Архангельск, где я сидел, постоянно пыталась выйти на интервью со мной. Ей постоянно отказывали, она опять приезжала. Она приехала в Высокогорку на суд, который отказал мне в условно-досрочном освобождении, и там поддерживала, писала обо всем, билась за меня. И я просто решил, что в первую очередь я расскажу обо всем Зое Световой. Она в это время была в отпуске, и поэтому я просто ждал, когда она вернется. Поэтому все разговоры, которые раздавались, что я прячусь от журналистов, знаете, это совсем неправда, связанно все было именно с этим, я очень хотел пообщаться сначала именно с ней, обязательно с ней. Затем просто я хотел пообщаться с теми изданиями и средствами массовой информации, которые наиболее активно меня поддерживали все это время. Поэтому все было совершенно очевидно: Зоя Светова, "Новая газета", "Эхо Москвы", Радио Свобода – а потом все остальные.

А дебрифинги... Вы знаете, я просто несколько раз сказал об этом и боюсь, что с чувством юмора у людей стало плохо. Я сказал, что дебрифинги, разумеется, были и даже по два, по три раза в день. Но только вопросов было два. Постоянно задавались одни и те же вопросы. Первый вопрос: "ты скажи, ты хочешь что-нибудь особенное поесть"? Это был первый вопрос, он задавался все время, постоянно. Мне очень пельменей хотелось, но я отчетливо осознавал, что настоящих пельменей все равно не возьмут ниоткуда. Поэтому я стойко, упорно отвечал: "да ничего не хочу, мне и так хорошо". И второй вопрос, который задавался не менее упорно: "мы сейчас идем в магазин, тебе нужно что-нибудь купить"? Самое первое, что я попросил – это, если можно, купить мне диск "Призрака оперы". Я его слушал с огромным удовольствием. То есть в части дебрифинга британская сторона оказалась менее эффективной, чем ФСБ: те меня дебрифинговали куда интенсивнее.

– Была ли у вас какая-то связь с внешним миром, когда вы находились в колонии?

– В соответствии с правилами внутреннего распорядка и уголовно-исполнительным кодексом я имею право на свидание с родными. В тех условиях, в которых я находился основное время – это три свидания продолжительностью примерно 69-70 часов в год, так называемые длительные свидания (трое суток в реальности колонии – это 69 часов, иногда еще меньше), и три коротких свидания продолжительностью до 4 часов. Ко мне приезжали на длительные свидания – в первый раз, по-моему, приехали в январе 2005 года. Это было естественно: только в ноябре 2004 я окончательно оказался в колонии. А там надо подавать заявление о свидании, становиться в очередь, – то есть этот процесс занимает не меньше двух месяцев. И соответственно, как только появилась возможность, ко мне сразу же приехали. Начиная с 2006, когда я был в Архангельске, ко мне стали приезжать даже на короткие свидания. Мои родные приезжали для того, чтобы поговорить со мной три-четыре часа – несмотря на то, что это больше суток на поезде в одну сторону.

С определенного времени возникла возможность звонить по телефону. В Сарапуле я регулярно, по-моему, раз в две недели обязательно звонил домой – родителям, жене. В Архангельске первый год меня всячески лишали возможности позвонить, хотя это предусмотрено законом. И кстати, по правилам, установленным уголовно-исполнительным кодексом, я имел право шесть раз за год по 15 минут позвонить домой. Но первый год меня от этой возможности отрезали полностью. Затем меня перевели в строгие условия содержания, где допускается только одно свидание за весь год и отсутствует право на телефонные звонки. Но когда я через 16 с небольшим месяцев из этих строгих условий вернулся в обычные, в колонии все сильно поменялось: звонить стало совершенно легко. В первую очередь, потому что основная масса осужденных пользовалась запрещенными мобильными телефонами, от которых я принципиально держался вдалеке. Желающих ходить на телефонный автомат звонить домой практически не было. В какой-то момент во всей колонии звонило, по-моему, всего три человека из 1200 с чем-то. И сотрудники администрации, видя в очередной раз меня на телефоне, все в шутку – но в каждой шутке есть доля шутки – спрашивали: "А по мобильному чего не звонишь, что здесь-то?"

Единственное ограничение состояло в том, что позвонить я мог лишь в "свой день", в день, отведенный для моего отряда – это было раз в неделю. Когда я перебрался в Холмогоры, там с одной стороны стало гораздо проще: там колония гораздо меньше в принципе, есть те же самые мобильные телефоны – запрещенные, но существующие; чуть-чуть побольше людей, желающих позвонить из телефона-автомата, но зато нет определенных каждому отряду дней. Поэтому, когда была возможность, я приходил и звонил. Проблема была в телефонной карточке.

– Когда и как вы услышали о так называемых российских шпионах в Америке?

– Я услышал о них от своих товарищей, которые в нашем 6-м отряде – маленьком, из 11 человек – смотрели, в отличие от меня, телевизор и читали "Новую газету". Тот выпуск, по-моему, мне не показывали, он прошел мимо меня. Но они прочитали, рассказали мне. Вообще в лагере очень интересно, там ничего не происходит – поэтому, если хоть что-нибудь случается, то обязательно начинаются долгие пересуды. Как мне поясняли сотрудники администрации буквально всех колоний, в Архангельской области шпион был один – это был я. Поэтому если что-нибудь из шпионской жизни происходило, то все наперебой торопились мне рассказать. Интересно пообщаться. Где-то числа 27-го это случилось; может быть, на два-три дня попозже я об этом услышал – но абсолютно никак с собой не связал. Интересно, конечно; но какая разница мне?

– А когда вы впервые услышали о том, что их будут менять?

– 6 июля в кабинете начальника Лефортово. Мне сказали о том, что достигнуто такое соглашение.

– Что вы почувствовали? "Свобода"?

– Ничего подобного. Если честно, я догадался, что что-то подобное может происходить, на пару часов раньше. По тем действиям, которые производились вокруг меня.

– По каким?

- Вместо того, чтобы снимать отпечатки пальцев, меня повели фотографироваться. Причем мне вместо тюремной робы выдали рубашку – еще поинтересовались, какой у меня размер. И галстук синенький в полосочку, завязанный уже. Выдали, сфотографировали. А дело в том, что до того я был очень сильно занят в Холмогорах, работал. Там ждали нового начальника управления со второй проверкой – очень ждали, поскольку в первую он устроил начальству колонии смертельный разнос. Работа была очень напряженная, администрация очень сильно переживала по поводу возможных оргвыводов. Мне, честно говоря, бриться было особо некогда – бывало, в полтретьего ночи с работы возвращался. И поэтому так получилось, что дня два – точно перед 5 июля, когда меня спешно вывезли из холмогорской колонии – я не брился. Привезли меня в Лефортово, и перед фотоаппаратом я стоял прилично не побритый. В Лефортово отбирают все, и в первую очередь, естественно, бритвы – а получить обратно, просто чтобы побриться, я не мог, сколько ни просил. Там установлено так: побрился, отдав обратно контролерам. Но мне даже побриться не давали...

Так вот, меня сфотографировали – в таком красивом виде и небритым. Я переодевался обратно. А те двое, что меня снимали, вывели карточку на компьютер. И один другого спросил: "Может щетину все-таки убрать?" Ответ был такой: "Нет, не надо ничего убирать, для них чем естественней, тем лучше".

Кроме того, при съемке меня попросили немножко повернуть голову. А у американцев есть особенность: на визу они снимают так, чтобы видно было правое ухо. И я в тот момент подумал, что это снимок для американской визы. Дело в том, что раньше я видел, что в Лефортово свозят людей со статьей 275 ("Государственная измена". – РС.). Я увидел сумки с такой подписью и одну фамилию, которую я слышал раньше. Сначала я думал, что наконец-то в стране что-то произошло хорошее – например, пересмотр дел по 275-й статье. Когда у меня сложилась все вместе – эти сумки, много людей, 275-я статья, информация о том, что в Америке задержали наших граждан, совершенно непривычное и необычное фотографирование, – у меня само собой всплыло такое предположение, что никакой это не пересмотр дел, а просто обмен. После этого мое настроение очень здорово упало. Я ходил по камере своей 68 очень злой и расстроенный. Только одну-единственную фразу повторял: "Что же вы, сволочи, делаете?" Сложилось представление, что меня хотят на этих наших нелегалов поменять. Но когда через пару-тройку часов меня повели в кабинет начальника, и там обнаружились американцы, я понял, что я, похоже, действительно не ошибся. Дальше стали рассказывать – и стало совершенно очевидно, что я не ошибся.

– Эти американцы представились?

– Они назвали имена. Я, если честно, просто их забыл. Просто имена, без фамилий, только имена. Я помню, что один из них был из министерства юстиции. Судя по тому, как с ними разговаривали наши генералы – видимо, люди достаточно высокопоставленные.

– Те остальные ваши коллеги...

– Я бы назвал их "товарищи по счастью". Или по несчастью.

– ...которых обменяли – вы с ними никак не общаетесь?

– Во-первых, потребности по большому счету не испытываю. А самое главное – я не знаю, где они; как я с ними будут поддерживать контакты? Я вообще познакомился, если честно, только в самолете. Только уже непосредственно перед полетом я понял, что нас будет четверо. Когда я выстраивал свои умозаключения, то я был уверен: если 11 человек задержали в Штатах, то, видимо, столько же будет и у нас. Кстати сказать, я высказал своим родным, когда встретился с ними, такое предположение о том, что обмен будет на равных – условно говоря, 10 на 10, 11 на 11. Из этого раздули очередную сплетню, что мне якобы список показывали, а я его якобы забыл, потому что невыгодно обнародовать фамилии, которые были в этом списке. Это говорят люди, которые, наверное, пишут детективные романы – но сами даже близко не стояли с тем, что из себя представляет правоохранительная, правоприменительная система. Там никто никогда никому ничего не говорит. Там о твоей собственной судьбе зачастую не скажут, а о ком-то другом – тем более никогда не говорили. Поэтому, естественно, что никаких сведений подобного рода у меня не было.

– Вам предоставили возможность увидеться с вашими близкими перед тем, как вы покинули Россию?

– Да, перед тем, как я покинул Россию, мне такую возможность предоставили. Хотя я говорил о том, что хочу увидеться с ними и поговорить перед тем, как приму решение о том, как мне поступать; такой возможности мне не дали. Когда все было улажено, и обе стороны – и американская, и российская – видимо, облегченно вздохнули, вот тогда мне действительно дали возможность встретиться со всеми. Ко мне приехали все, кроме моего папы, потому что с его двумя инфарктами на 40-градусной жаре ему было очень тяжело приехать в Москву. А так я встретился и поговорил со всеми; такая возможность была.

– У ваших близких есть возможность вас навестить здесь, в Великобритании?

– Прямо сейчас пока еще нет, потому что они оформляют загранпаспорта. И, если честно, почему-то сроки оформления загранпаспортов внезапно удлинились по сравнению с тем, что им сказали в тот момент, когда были поданы документы. Дай бог, если это только просто бюрократическая неэффективность. Сначала говорили о 28 днях. Потом внезапно говорят о том, что месяц и неделя; а за месяцем и неделей там может и дальше получиться что-то. Пока я не знаю, я пока сижу и жду – исходя из того, что все-таки все будет так, как должно быть, как договорились. Хотя в тюрьме существует такая поговорка по отношению к словам администрации – вообще любой, как это называют на жаргоне, "милиции" (там все правоохранители называются "милицией"): им верить – себя не уважать. Поэтому не знаю. Опыт у меня пока такой: ни одного раза данного мне слова чекисты не выполнили. Ни одного раза за 11 лет.

– Но сейчас речь идет об англичанах, которые должны дать визу.

– Визу – может быть, но виза ставится в паспорт. Одна задержка, за ней вторая... Я пока не знаю.

– Насколько я знаю, вы бывали уже в Англии в той жизни – дотюремной. Какие ваши впечатления об Англии как человека, который не торопится на самолет?

– Я не могу сказать, что я не тороплюсь на самолет: все-таки, если честно, хочется на него сесть. Хотя даже мои родные мне сказали в Лефортово: "Ты все-таки не прыгай сразу в самолет, осмотрись, оглянись вокруг, что происходит, как, почему". Очень большой налет печали, связанной с тем, что я не там, где я хотел бы сейчас. Но если все-таки сквозь него прорваться...

Надо сказать, что я поймал себя на мысли, побродив на улицам Лондона – не самой его центральной части, – что в чем-то этот город более дружелюбен по отношению к человеку, по нему немножечко приятнее ходить, чем по Москве. Потому что узенькие кривые и, в общем-то, не самые красивые улочки выглядят чуть-чуть более человечнее, чем широченные проспекты в Москве. Это, конечно, хорошо, и красиво, и здорово – но все равно другое ощущение. То есть принципиальное отличие от Москвы состоит в том, что Лондон не слишком высокий. Пока я тут не увидел высоченных домов, под которыми чувствуешь себя песчинкой. Здесь как-то ты сравнишь с городом. И очень много зелени – больше, чем осталось в Москве.

– Вы упомянули, что имеете право здесь работать. А вы уже работаете?

– Пока нет. Хотя то, чем я занимаюсь, вообще по-хорошему назвать работой следовало бы. Я сейчас пишу письма тем людям, которые меня поддерживали, которые писали письма мне. Я общаюсь со своими родными, я каждый день называю домой – уж точно больше чем по часу разговариваю с родными. Интервью даю. Приходится писать тексты, править их – а это занимает много времени и отнимает много сил. То есть по-хорошему я не бездельничаю. Но работой на каком-то определенном рабочем месте, где лежит моя трудовая

книжка, я пока не занимаюсь.

– Здесь нет трудовых книжек. Но вы пытаетесь найти себе работу, чтобы обеспечивать хлеб насущный?

– Сейчас пока нет в том числе и потому, что мне действительно хочется осмотреться, понять, все-таки решить для себя основной принципиальный вопрос – где я буду искать эту работу. Потому что, естественно, я все-таки хотел бы работать в России, потому что так лучше для моей семьи. Но с другой стороны мне нужно работать так, чтобы я мог действительно помочь своей семье – хотя бы так же, как я помогал 11 лет назад, когда я имел возможность обеспечивать и свою семью, и семью моих родителей, своему брату помогать. Я, конечно, хотел бы быть состоятельным и способным кому-то помочь, а не просто-напросто убивать время на работе и получать за это гроши, недостаточные даже для того, чтобы прокормиться самому. Это еще один момент, очень важный.

– Вы верите, что в России вам такая возможность представится?

– Я пока этого не знаю. Это все надо выяснить, узнавать. Есть очень хорошая фраза: Искусство не ошибаться состоит в умении делать максимально слабые утверждения. Вот я пока воздержусь от утверждения о том, что я верю или не верю. Я пока просто не знаю. Надо посмотреть, попробовать, поглядеть внимательно, разобраться.

– Как вы полагаете, в профессиональном смысле вы здорово отстали?

– Я, безусловно, очень здорово отстал в смысле владения свежей текущей информацией, в смысле погружения в события и знание этих событий изнутри. В этом смысле, несомненно, я отстал и очень сильно. Но с другой стороны я просто знаю – по своему опыту, еще тамошнему, – что когда-то я обладал способностью очень быстро впитывать в себя информацию и включаться в совершенно новую для себя тему. Я пытался по возможности – и это было одно из спасений для меня в лагере – не закисать, не давать своим мозгам заржаветь. Я пытался читать газеты, смотреть новости, какие-то материалы аналитические, исторические – то есть не терять навыки по работе с информацией. Я очень сильно надеюсь, что до конца, по крайней мере, я их не потерял. Английский у меня включился на удивление быстро и относительно неплохо.

– В одном из интервью вы упомянули, что в колонии вы преподавали английский.

– В основном я успел преподавать нормы оxfordского произношения, но не добрался до грамматики и прочего. А словарный запас те, кому я его преподавал, откровенно говоря, ленились учить. Так что это, конечно, не очень углубленное преподавание.

– Вы не расскажите, кому вы это преподавали?

– По секрету, конечно, могу сказать: начальнику отдела безопасности колонии.

– Будем надеяться, что он ему пригодится.

- Да, я его приглашу в гости.

- Та британская компания, из-за которой вы собственно оказались в тюрьме, не может помочь вам в поисках работы и средств пропитания, пока вы здесь находитесь?

– Я хочу сразу поправить вас: мне кажется, что компания, из-за которой я оказался в тюрьме, была отнюдь не британская, а российская – и находится она в Москве, в районе бывшей площади Дзержинского. Представители этой компании уже спустя шесть месяцев работы над моим делом очень хорошо себе представляли существо этого дела. И если они меня не отпустили, то из-за кого я в итоге оказался на 11 лет в тюрьме? Уж отнюдь не из-за британцев. Это во-первых.

Во-вторых... Вы знаете, я могу вам честно сказать, возвращаясь к вопросу, был ли я шпионом. Откровенно говоря, работа с британцами по большому счету была для меня обычновенной халтурой. Очень хорошо оплачиваемой, в разы лучше оплачиваемой, чем моя основная работа, которой я отдавал и душу, и сердце, и где-то здоровье, время. Между прочим, я вкладывал свои деньги именно в то, чтобы делать ту работу. А это халтурка. Вы станете искать того, кому вы погрузили грузовик, заработав сколько-то? Можно, конечно, поискать, только зачем, смысл какой? Большого смысла нет.

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Наталья Голицына (Лондон)**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

Эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

Эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

Эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

Эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

Эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

Эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

Эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

Эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии

Статистика сайта

Архив

Календарь

Зеркала сайта